

6+

ЛИОРА ВЕЙН

Магические приключения ведьмочки Вари

Лиора Вейн

**Магические приключения
ведьмочки Вари**

«Издательские решения»

Вейн Л.

Магические приключения ведьмочки Вари / Л. Вейн —
«Издательские решения»,

«Магические приключения ведьмочки Вари» — теплая и волшебная сказка о дружбе, семье, честности, прощении и магии, которая начинается там, где кто-то решается сказать правду. Варя Морошкина и не подозревала, что обычная мятная тропинка у калитки приведет ее в старинную магическую школу, где теряются не только вещи, но и слова, воспоминания, обещания и даже целые разговоры. Вместе с друзьями Варе предстоит собрать фрагменты волшебной карты и раскрыть тайны прошлого.

© Вейн Л.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Экзамен по ужасному чиху	6
Глава 2. Неправильная ведьмочка	9
Глава 3. Банка, которую нельзя открывать	15
Глава 4. Самое зевательное утро	24
Глава 5. Страшная магия не помогает	35
Глава 6. Повторный экзамен	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Магические приключения ведьмочки Вари

Лиора Вейн

Редактор Кристина Дружинина

Иллюстратор Кристина Дружинина

© Лиора Вейн, 2026

© Кристина Дружинина, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0070-3388-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Магические приключения ведьмочки Вари»

Глава 1. Экзамен по ужасному чиху

В школе колдовства «Чёрный Чулан» по четвергам обычно пахло дымом, жабьей икрой и слегка подгоревшими заклинаниями.

Но сегодня пахло особенно важно.

Потому что сегодня у младших ведьмочек был экзамен по зельеварению.

В большом круглом классе стояли двадцать маленьких котлов. Под каждым котлом горел синий огонёк. Над каждым котлом клубился дым: зелёный, фиолетовый, болотный, а у одной очень старательной ученицы даже дым в крапинку.

На доске большими кривыми буквами было написано:

«Зелье Ужасного Чиха.

Цель: заставить противника чихать не меньше семи раз подряд.

Оценка: чем громче чих, тем лучше»

Директор школы, Аграфена Грозовая, ходила между рядами и постукивала указкой по ладони.

— Помните, дети, — строго говорила она, — настоящее ведьминское зелье должно быть неприятным, неожиданным и желательно зелёным.

Ученицы важно кивали.

Зоя Злючкина уже бросила в свой котёл сушёную щекотку и три перчинки для привидений. Её зелье зашипело, подпрыгнуло и громко сказало:

— Апчихи!

— Прекрасно, Зоя, — сказала Аграфена Грозовая. — Очень противный звук. Пять с плюсом за старание.

Зоя довольно улыбнулась и поправила чёрную шляпу.

А за последней партой стояла ведьмочка Варя.

Она была маленькая, рыжая и очень сосредоточенная. Её остроконечная шляпа сползла почти на нос, но Варя не замечала. Она читала рецепт уже в шестой раз.

— Сушёная щекотка... есть, — прошептала она. — Перец для привидений... есть. Капля грома... ой.

Варя заглянула в пузырьрёк с надписью: «Капля грома». Пузырёк был пустой.

Рядом на табуретке сидел её кот Пых. Он был круглый, чёрный и такой пушистый, что больше походил на ночное облако с усами.

— Я же говорил, — важно сказал Пых, — не надо было вчера поливать громом фикус.

— Фикус грустил, — тихо ответила Варя. — У него листья опустились.

— Теперь, зато у нас опустилась оценка, — вздохнул Пых.

Варя покраснела. Очень хотелось, чтобы сегодня всё получилось правильно. Не ромашковый чай. Не сироп от грусти. Не бульон для хорошего настроения. А настоящее ведьминское зелье — неприятное, неожиданное и желательно зелёное.

Она осторожно бросила в котёл сушёную щекотку.

Котёл булькнул.

Варя добавила перец для привидений.

Котёл пыхнул розовым дымом.

— Розовый — это ещё не беда, — пробормотала Варя. — Может быть, он потом позеленеет.

Пых понюхал дым и подозрительно прищурился.

— По-моему, пахнет малиной.

— Не может быть, — испугалась Варя.

Она быстро схватила баночку с болотной плесенью и высыпала целую ложку.

Котёл задумался.

Потом вздохнул.

Потом из него поднялся мягкий золотистый пар.

По классу поплыл запах малины, ромашки и свежих булочек.

Ученицы обернулись.

Зоя Злючкина сморщила нос:

— Опять? — сказала она. — Варя, ты что, варишь завтрак?

— Н-нет, — прошептала Варя. — Я варю ужасный чих.

Но котёл радостно булькнул и выпустил в воздух три маленьких мыльных пузыря. В каждом пузыре сидела крошечная улыбка.

Один пузырь подплыл к Аграфене Грозовой и лопнул прямо у неё перед носом.

— Что за... — начала директор.

И вдруг улыбнулась.

Совсем чуть-чуть.

Так быстро, что почти никто не заметил.

Но Варя заметила.

Аграфена Грозовая тут же нахмурилась ещё сильнее, будто хотела спрятать эту улыбку обратно.

— Ведьмочка Варвара Морошкина, — строго сказала она. — Подойдите к котлу.

Когда директор называла Варю полным именем, это всегда означало беду.

Варя подошла. Пых поплёлся за ней, делая вид, что он здесь совершенно случайно и вообще не имеет отношения к малиновому запаху.

Директор заглянула в котёл.

Зелье было нежно-жёлтым. На поверхности плавали крошечные ромашки.

— Что это? — спросила Аграфена Грозовая.

Варя сглотнула.

— Кажется... чай.

— Чай?

— Но очень волшебный, — поспешно добавила Варя. — Наверное.

Директор зачерпнула каплю зелья серебряной ложечкой, понюхала и нахмурилась.

— Это не зелье Ужасного Чиха.

— Да, — тихо сказала Варя.

— Это даже не зелье Средне-Неприятного Чиха.

— Да.

— И уж точно не зелье Чиха, От Которого Падают Шляпы.

Варя опустила голову.

Пых поднял лапу.

— Зато от него, возможно, перестают ссориться — сказал он. — Я бы проверил. В научных целях. С печеньем.

В классе кто-то хихикнул.

Аграфена Грозовая строго посмотрела на кота.

— Колдовским котам слово не давали.

— Тогда я помолчу с достоинством — сказал Пых и сел ровнее.

Директор снова повернулась к Варе.

— Варвара, это уже третий раз за месяц. На прошлой неделе вы должны были вызвать дымовую завесу, а вызвали аромат ванильных вафель.

— Они получились случайно, — прошептала Варя.

— А позавчера на уроке вредных заклинаний вы вместо «Колючего носа» сделали мазь от царапин.

— У Пыха была царапина.

— У меня была серьёзная боевая рана, — вставил Пых. — От корзинки с бельём. Директор устало потерла переносицу.

— Варя, ведьмочка должна уметь варить ведьминские зелья.

— Я стараюсь — сказала Варя.

И это была правда.

Она очень старалась. Сильнее всех. Просто каждый раз, когда Варя хотела сделать что-нибудь неприятное, у неё получалось что-нибудь полезное.

Аграфена Грозовая вздохнула и сказала уже не так громко:

— После уроков зайдите ко мне в кабинет. Нам нужно серьёзно поговорить.

Варя кивнула.

Котёл за её спиной тихонько булькнул и выпустил ещё один пузырь.

Пузырь лопнул над партой Зои Злючкиной.

Зоя вдруг перестала ухмыляться, посмотрела на Варю и почти сказала: «Ничего страшного».

Но вовремя спохватилась.

— Пф, — сказала она вместо этого. — Ромашки в котле. Ну и ведьмочка.

Варя отвернулась к окну.

За окном летали старшие ведьмы на метлах, каркали учебные вороны и над башнями школы висели серые тучи. Всё было как обычно.

Только Варе казалось, что внутри неё тоже появилась маленькая серая тучка.

Она не гремела.

Не сверкала.

Она просто тихо шептала:

«Может, ты правда неправильная?»

Глава 2. Неправильная ведьмочка

После уроков школа колдовства «Чёрный Чулан» совсем не становилась тише. Наоборот.

В коридорах хлопали двери, спорили портреты, шуршали мантии, и кто-то на втором этаже учился превращать яблоки в жаб. Судя по громкому «ква!», получалось пока только наоборот.

Варя медленно шла к кабинету директора.

Рядом семенил кот Пых. Он старался выглядеть важным и поддерживающим, но всё время отвлекался на запахи из школьной кухни.

— Если разговор будет очень строгим — сказал Пых, — я могу упасть в обморок. Для отвлечения внимания.

— Не надо, Пых.

— Хорошо. Тогда я могу громко закашляться.

— Тоже не надо.

— А если мне действительно станет плохо от волнения?

Варя посмотрела на него.

— Тебе станет плохо от волнения или от того, что ты съел три булочки перед уроком?

Пых гордо поднял хвост.

— Настоящий колдовской кот никогда не раскрывает своих тайн.

Они остановились перед высокой дверью. На двери висела табличка:

«Директор Аграфена Грозовая.

Стучать три раза.

Четвёртый раз — на свой страх и риск.»

Варя подняла руку и постучала.

Тук.

Тук.

Тук.

Дверная ручка открыла один глаз.

— Кто там? — сонно спросила она.

— Варя Морошкина, — тихо сказала Варя.

— А кот?

— Кот Пых.

Ручка посмотрела на Пыха с подозрением.

— Коты иногда царапают мебель.

— Только если мебель первая начала, — сказал Пых.

Ручка вздохнула, щёлкнула замком, и дверь распахнулась.

Кабинет директора был большой, тёмный и очень директорский.

В углу стоял шкаф с важными папками. На стенах висели портреты знаменитых ведьм. Одна ведьма на портрете вязала носок, другая кормила ворона сухариком, а третья всё время пыталась выглядеть зловеще, но у неё икалось.

За столом сидела Аграфена Грозовая. Перед ней лежал журнал оценок, перо с чёрным пером ворона и чашка чая.

Варя удивилась.

Чай был ромашковый.

Директор заметила её взгляд и быстро прикрыла чашку ладонью.

— Это не чай, — строго сказала она. — Это... учебный отвар.

— Пахнет ромашкой, — сказал Пых.

— Колдовским котам слово всё ещё не давали.

— Я просто носом сказал, — обиделся Пых.

Аграфена Грозовая указала на стул.

— Садись, Варвара.

Варя села на самый краешек. Пых запрыгнул рядом, но стул был один, поэтому он наполовину свесился вниз и сделал вид, что так задумано.

Директор открыла журнал.

— Зельеварение: вместо «Колючего носа» — мазь от царапин.

Вредные заклинания: вместо «Скрипучих дверей» — песенка для дверных петель.

Дымовая магия: вместо чёрной завесы — запах ванильных вафель.

Экзамен по Ужасному Чиху: ромашковый чай.

С каждым словом Варя всё ниже опускала голову.

— Я правда старалась, — сказала она. — Я всё делала по рецепту. Почти.

— Почти?

— Ну... иногда мне кажется, что, если добавить капельку мёда, зелье станет добрее.

— Варвара, — директор сложила руки на столе, — ведьминские зелья не должны быть добрее.

— А какими должны?

— Полезно-неприятными. Учебно-ужасными. В меру вредными.

Пых поднял лапу.

— А «вкусными» можно?

Аграфена Грозовая посмотрела на него так, что лапа сама опустилась обратно.

Директор вздохнула. И вдруг её голос стал чуть мягче.

— Варя, я вижу, что ты стараешься. Но школа «Чёрный Чулан» — старая школа. У нас есть правила. Ведьмочки должны уметь летать на метле, читать заклинания, варить зелья, вызывать туман и, хотя бы иногда пугать мышей.

— Я пыталась напугать мышь, — сказала Варя.

— И что случилось?

— Я испекла ей сырное печенье.

Один из портретов на стене хихикнул. Аграфена Грозовая кашлянула, и портрет сразу сделал серьёзное лицо.

— Именно об этом я и говорю, — сказала директор. — Если так будет продолжаться, нам придётся подумать...

Она замолчала.

Варя почувствовала, как у неё похолодели пальцы.

— О чём? — спросила она совсем тихо.

Директор посмотрела в окно. За стеклом кружили чёрные вороны, а на крыше старшес-классницы учились парковать метлы.

— О переводе тебя в обычную школу.

В кабинете стало так тихо, что было слышно, как портретная ведьма перестала вязать.

— В обычную? — переспросила Варя.

— Там тоже хорошие дети, — сказала директор. — Там учат счёту, письму, чтению...

— Но там нет котлов, — прошептала Варя.

— Нет.

— И метёл?

— Только для уборки.

Пых ужаснулся.

— Метлы для уборки? Какая жестокость.

Варя сжала край мантии.

Она представила обычную школу. Обычные парты. Обычные окна. Обычные уроки. Может, там было бы хорошо. Но без котлов, без говорящих дверей, без воронов, без смешных заклинаний, без синего огня под котлом...

И без надежды когда-нибудь стать настоящей ведьмочкой.

— Я исправлюсь, — быстро сказала Варя.

— Честно-честно. Я научусь варить страшные зелья. Самые страшные.

Аграфена Грозовая внимательно посмотрела на неё.

— Я дам тебе время до конца недели. В пятницу будет повторный экзамен.

— Повторный?

— Да. Ты должна будешь сварить настоящее ведьминское зелье. Не чай. Не сироп. Не печенье в жидком виде.

Пых тихо вздохнул:

— А жаль.

— Если справишься, вопрос о переводе мы закроем — сказала директор. — Если нет...

Она не договорила.

Но Варя и так поняла.

Она встала со стула.

— Я справлюсь.

Голос у неё дрожал, но слова прозвучали почти смело.

Пых тоже спрыгнул на пол.

— Мы справимся — сказал он. — Я буду помогать. Нюхать. Пробовать. Давать советы.

Особенно пробовать.

Директор взяла перо и что-то записала в журнал.

— Можешь идти, Варя.

Варя уже подошла к двери, когда директор вдруг добавила:

— И ещё.

Варя обернулась.

— Не думай, что ты плохая ученица, — сказала Аграфена Грозовая. — Ты просто... необычная.

Варя не знала, хорошо это или плохо.

Обычно, когда взрослые говорили «необычная», они имели в виду: «Мы пока не решили, что с тобой делать».

Она кивнула и вышла.

В коридоре было шумно. Кто-то гонялся за прыгающей чернильницей. Кто-то спорил с учебником. Из класса превращений вылетела жаба с яблочным хвостиком.

Но Варя ничего этого почти не замечала.

— Пых, — сказала она, — мне нужно сварить настоящее страшное зелье.

— Угу.

— Никаких ромашек.

— Угу.

— Никакого мёда.

— Угу.

— Никаких булочек.

Пых остановился.

— Варя, давай не будем принимать поспешных решений.

Но Варя его не услышала.

Она думала о повторном экзамене. О том, как все будут смотреть. О том, как Зоя Злючкина наверняка сварит что-нибудь зелёное, громкое и ужасно правильное.

А у неё опять получится чай.

И тогда её переведут.
В обычную школу.
Варя решительно сжала кулаки.
— Мне нужны самые сильные ингредиенты.
— У нас есть сушёная щекотка, — предложил Пых.
— Не поможет.
— Перец для привидений?
— Мало.
— Болотная плесень?
— От неё пахнет носками, но это тоже не то.
Пых задумался.
— Тогда нам нужен... — он понизил голос, — школьный запасник.
Варя посмотрела на него.
— Кладовая редких ингредиентов?
Пых кивнул так важно, будто только что предложил открыть древнюю тайну.
Кладовая редких ингредиентов находилась в самом конце восточного крыла, за лестницей, которая по вечерам любила менять ступеньки местами.
Туда ученикам ходить запрещалось.
Там хранились такие вещи, как:
— сушёный гром;
— перья полуночной вороны;
— порошок невидимых грибов;
— паутина с чердака старого замка;
— и, по слухам, один очень сердитый маринованный огурец.
Варя сглотнула.
— Нам нельзя туда.
— Нельзя, — согласился Пых. — Но если тебя переведут в обычную школу, мне придётся стать обычным котом. А я к этому не готов.
— Пых...
— Я не умею быть обычным. Я слишком загадочный.
Варя вздохнула.
Она знала, что идти в кладовую ночью — плохая идея.
Очень плохая.
Просто ужасная.
Почти такая же ужасная, как зелье, которое ей нужно было сварить.
— Только посмотрим — сказала Варя. — Ничего брать не будем.
Пых прищурился.
— Обычно, когда ведьмочки говорят «только посмотрим», потом что-нибудь взрывается.
— Ничего не взорвётся.
— Или превращается в жабу.
— Не превратится.
— Или начинает петь басом.
— Пых!
Кот вздохнул.
— Ладно. Но если в кладовой будет сырное печенье, я не обещаю держать себя в лапах.
Весь вечер Варя пыталась делать домашнее задание.
Нужно было выучить три вредных заклинания:

«Чихни, икни и подпрыгни»,

*«Пятно на носу»,
«Пусть ботинок заскрипит».*

Но буквы прыгали перед глазами и складывались совсем не так.
Вместо «Пятно на носу» у Вари получалось «Пирог на весу».
Вместо «Пусть ботинок заскрипит» — «Пусть ботинок поспешит».
А заклинание «Чихни, икни и подпрыгни» почему-то всё время превращалось в «Улыб-
нись и обними».

— Безнадёжно, — пробормотала Варя.

Она закрыла учебник.

За окном стемнело. Башни школы стали похожи на острые шляпы. В коридорах стихли шаги. Учебные вороны спрятали клювы под крылья. Где-то далеко сонно булькнул котёл.

Пых сидел у двери с маленьким фонариком.

— Ну что? — прошептал он. — Идём нарушать правила аккуратно?

Варя надела мантию, взяла пустую баночку для ингредиентов и свою самую маленькую волшебную палочку.

Палочка была кривоватая и иногда выпускала вместо искр цветочки, но Варя всё равно её любила.

— Идём, — сказала она.

Они тихонько вышли из комнаты.

Коридор был тёмный и длинный. По стенам висели портреты ведьм, которые спали с открытыми глазами. Половицы поскрипывали так громко, будто специально хотели всех разбудить.

Варя шла на цыпочках.

Пых тоже шёл на цыпочках, хотя у котов и так лапы тихие. Просто для настроения.

Они миновали класс летучих мышей, дверь в библиотеку и большой медный глобус, кото-
рый ночью показывал не страны, а места, где кто-то забыл носок.

Наконец впереди появилась лестница в восточное крыло.

Ступеньки тихо перешёптывались.

— Только не шалите, — попросила Варя.

Первая ступенька фыркнула.

— Мы? Шалить? Никогда.

И тут же поменялась местами с пятой.

Пых посмотрел вверх.

— Если я упаду, скажи всем, что я летел.

Варя осторожно шагнула на лестницу.

Ступеньки ворчали, скрипели, пытались отползти в сторону, но всё-таки пропустили их
наверх.

В конце коридора стояла дверь кладовой.

Она была низкая, тяжёлая и вся покрытая табличками:

«Ученикам вход запрещён»

«Опасные ингредиенты»

«Не нюхать без разрешения»

«Не кормить банки»

«Если что-то шепчет ваше имя — не отвечать»

Варя почувствовала, как сердце застучало быстрее.

— Может, вернёмся? — прошептала она.

Пых тоже смотрел на таблички. Особенно на ту, где было написано «Не кормить банки».

— Можно, конечно, вернуться — сказал он. — Но тогда ты не сварешь страшное зелье.

Варя вспомнила кабинет директора. Обычную школу. Метлы для уборки.
Она глубоко вдохнула.

— Только посмотрим, — снова сказала она.

И повернула ручку.

Дверь тихонько скрипнула.

Из кладовой пахло пылью, перцем, грозой и чем-то таким старым, будто это «что-то»
пролежало на полке с прошлой зимы, а может, с прошлого века.

Варя подняла фонарик.

На полках стояли сотни банок, коробочек и пузырьков.

Одни подпрыгивали.

Другие шипели.

Третьи делали вид, что их вообще нет.

Пых осторожно вошёл первым и прошептал:

— Вот теперь начинается самое интересное.

А где-то в самом дальнем углу кладовой тихо-тихо звякнула маленькая серая банка.

На ней была наклейка, написанная выцветшими буквами:

«НЕ ОТКРЫВАТЬ. СКУКА»

Глава 3. Банка, которую нельзя открывать

Кладовая редких ингредиентов оказалась гораздо больше, чем выглядела снаружи.

Снаружи это была обычная низкая дверь в конце коридора.

А внутри — целый длинный зал с полками до самого потолка, лестницами на колёсиках, висячими фонарями и такими тёмными углами, в которых, казалось, могло поместиться ещё по одной маленькой кладовой.

На полках стояли банки, склянки, коробки, мешочки и свёртки.

На одной банке было написано:

«Смех летучей мыши. Использовать по капле».

На другой:

«Пыль с дороги, по которой никто не ходил».

На третьей:

«Очень острый перец. Не спорить».

Пых понюхал третью банку и тут же отскочил.

— Она на меня посмотрела, — прошептал он.

— Банки не смотрят — сказала Варя.

Банка с перцем медленно повернулась этикеткой к ним.

На этикетке появилась новая строчка:

«Ещё как смотрят».

Варя сглотнула.

— Хорошо. Будем вести себя вежливо.

Она достала из кармана маленький листочек. На нём дрожащим почерком было написано:

«Для страшного зелья»:

- 1. Сушёный гром.*
- 2. Паутина из самого тёмного угла.*
- 3. Перец для привидений особой злости.*
- 4. Что-нибудь очень ведьминское.*
- 5. Никакого мёда.*

Пых заглянул в список.

— Пункт пятый слишком жестокий.

— Пых.

— Ладно-ладно. Никакого мёда. Пока.

Варя подняла фонарик повыше. Свет скользнул по полкам, по стеклянным бокам банок, по связкам трав, по старым коробкам, которые тихо сопели во сне.

— Сначала сушёный гром — сказала Варя.

— Он должен быть где-то... громким? — предположил Пых.

И тут с верхней полки донеслось:

— БУМ

Варя подпрыгнула.

Пых тоже подпрыгнул, но сразу сделал вид, что просто проверял потолок.

— Нашли, — сказал он.

На верхней полке стояла железная коробочка. Изнутри время от времени доносилось глухое:

— Бум... бум... бух.

На коробочке было написано:

«Сушёный гром. Не ронять. Не щекотать. Не рассказывать анекдоты».

— Почему нельзя рассказывать анекдоты? — шёпотом спросил Пых.

— Наверное, гром смеётся слишком громко.

Варя пододвинула лестницу на колёсиках и осторожно полезла вверх.

Лестница недовольно скрипнула.

— Не раскачивайся, — попросила Варя.

— Это не я — сказала лестница. — Это атмосфера.

Пых внизу держал фонарик зубами и пытался выглядеть надёжно. Получалось не очень, потому что фонарик светил то в потолок, то ему в усы.

Варя дотянулась до коробочки с громом.

— Осторожно... осторожно...

Коробочка была тяжёлая и немного дрожала, будто внутри сидела маленькая гроза.

Варя уже почти сняла её с полки, как вдруг где-то в дальнем углу кладовой снова звякнуло.

Тихо.

Едва слышно.

Дзынь.

Варя замерла.

— Ты слышал?

Пых выплюнул фонарик.

— Я слышал, как моя жизнь стала опаснее.

— Там что-то есть.

— Варя, здесь везде что-то есть. В этом и проблема.

Дзынь.

Звук повторился. Будто кто-то легонько постучал ложечкой по стеклу.

Варя поставила коробочку с громом обратно.

— Надо посмотреть.

Пых округлил глаза.

— Нет. Когда в кладовой с опасными ингредиентами что-то само звенит в тёмном углу, правильное решение — не смотреть. Очень правильное. Даже отличное.

— Вдруг там кто-то застрял?

Пых вздохнул.

— Вот это у тебя самое опасное качество.

— Какое?

— Тебе всех жалко.

Варя слезла с лестницы и пошла на звук.

Чем дальше они углублялись в кладовую, тем старше становились полки. Здесь уже не было аккуратных этикеток и свежих баночек. Тут стояли покрытые пылью ящики, перевязанные верёвками, бутылки с потемневшим стеклом и свёртки, которые сами тихонько отползали в сторону, когда на них светили фонариком.

На одной коробке Варя прочитала:

«Запасные тени. Не перепутать со своими».

На другой:

«Вздох дракона. Открывать у окна».

На третьей:

«Понедельник. Хранить крепко закрытым».

Пых поёжился.

— Вот понедельник я бы точно не трогал.

Дзынь.

Теперь звук был совсем рядом.

Варя посветила под нижнюю полку.
Там, в углу, стояла маленькая серая банка.
Она была не красивая и не страшная. Просто серая. Даже слишком серая. Такая, что рядом с ней пыль казалась нарядной.
На банке была наклейка:
«НЕ ОТКРЫВАТЬ. СКУКА»
Варя прочитала вслух:
— Скука?
Пых сделал шаг назад.
— Ага. Прочитали. Теперь уходим.
— Но почему она звенит?
— Может, скучает.
Банка снова тихонько звякнула.
Дзынь.
Варя присела рядом.
— Там кто-то есть?
Банка не ответила.
Только внутри что-то серое медленно перекатилось от одной стенки к другой.
Пых встал рядом с Варей и нахмурился.
— На табличке у двери было написано: «Если что-то шепчет ваше имя — не отвечать».
А тут, конечно, не шепчет. Но всё равно я бы не начинал дружбу.
— Я не собираюсь её открывать — сказала Варя. — Просто посмотрю.
Она протянула руку и смахнула пыль с крышки.
Тут серая банка вдруг тихонько вздохнула.
Так грустно, так тоскливо, что Варя сразу стало жалко даже банку.
— Ой, — сказала она. — Ей, наверное, там тесно.
— Варя, — строго сказал Пых. — Это не котёнок под крыльцом. Это банка с надписью «Не открывать».
— Я понимаю.
— Большими буквами.
— Понимаю.
— Слово «Скука» тоже не похоже на «Варенье».
Варя посмотрела на банку.
Внутри снова что-то перекатилось.
Потом раздался маленький, еле слышный зевок:
— А-а-ах...
Пых прижал уши.
— Она зевает. Варя, я не люблю, когда банки зевают.
— Может, её просто нужно переставить? — сказала Варя. — Она стоит совсем одна.
— Прекрасно. Пусть стоит. Уединение полезно для некоторых банок.
Но Варя уже взяла банку в руки.
Она оказалась холодной и неожиданно лёгкой.
И в тот же миг с верхней полки что-то громко чихнуло.
— АПЧХИ!
Пых подпрыгнул.
Варя вздрогнула.
Фонарик покатился по полу, ударился о ящик с надписью «Запасные тени», отскочил, засветил прямо в нос Пыху.
Пых от неожиданности тоже чихнул:

— Апчихи!
Его хвост взлетел вверх и задел связку сушёных трав.
Травы качнулись.
С полки посыпалась волшебная пыль.
Варя попятилась.
— Пых, осторожно!
Но было поздно.
Пых чихнул второй раз:
— АПЧХИ!
И врезался боком в Варину ногу.
Варя пошатнулась.
Банка выскользнула из рук.
Время будто замедлилось.
Серая банка летела вниз.
Пых вытянул лапы.
— Ловлю!
Но вместо банки поймал собственный хвост.
Банка ударилась о пол.
Не сильно.
Даже совсем тихо.
Тюк.
Варя на секунду обрадовалась.
— Целая!
И тут крышка банки медленно повернулась сама собой.
Скрип.
Потом ещё чуть-чуть.
Скрип.
Пых замер с открытым ртом.
— Скажи ей, что мы передумали.
Крышка подпрыгнула.
Плюх.
И упала на пол.
Из банки вылез тонкий серый дымок.
Сначала он был маленький, как ленточка. Он потянулся вверх, лениво закрутился в воздухе и зевнул.
— А-а-а-а-ах...
Варя почувствовала, как ей вдруг стало немного лень стоять.
Совсем чуть-чуть.
Потом стало лень держать фонарик.
Потом — лень волноваться.
— Пых... — сказала она медленно. — Кажется, мы что-то сделали.
— Угу, — так же медленно ответил Пых. — Что-то... очень... неинтересное.
Серый дымок выполз из банки полностью и растёкся по полу, как туман.
Он был не злой.
Не страшный.
Не кусачий.
Но от него всё вокруг становилось каким-то бесцветным.
Банки на полках перестали подпрыгивать.
Коробочка с сушёным громом сказала «бум» совсем неуверенно и замолчала.

Свёрток, который раньше пытался отползти, передумал и лёг обратно.

Даже банка с острым перцем перестала смотреть сердито.

— Ничего себе, — прошептала Варя. — Это и есть Скука?

Серый дым собрался в комок посреди кладовой.

Комок поднялся повыше.

У него появились длинные туманные руки, круглая голова и огромный рот, который тут же зевнул так широко, что в него, кажется, мог поместиться весь понедельник из соседней коробки.

— А-а-а-ах, — сказала Скука.

Голос у неё был мягкий, сонный и тянущийся, как старая жвачка.

— Наконец-то... Как скучно было в банке... Хотя снаружи, наверное, тоже скучно...

— Нет-нет, — быстро сказала Варя. — Снаружи совсем не скучно. У нас школа. Уроки.

Котлы. Метлы. Иногда яблоки превращаются в жаб.

Скука посмотрела на неё мутными серыми глазами.

— Звучит утомительно.

Пых осторожно спрятался за Варю.

— Простите, уважаемая... э-э... Скука. Мы сейчас вас обратно в баночку посадим, и все будут довольны.

Скука снова зевнула.

— Довольны... недовольны... какая разница...

От этих слов Варя стало неприятно. Не страшно, а именно неприятно: будто кто-то взял яркий рисунок и стёр с него все цвета.

Она встряхнула головой.

— Разница есть!

— Может быть, — сказала Скука. — А может, и нет.

Она потянулась серым туманом к двери кладовой.

Варя бросилась наперерез.

— Подождите! Вам нельзя выходить!

Скука остановилась.

— Почему?

Варя открыла рот.

И закрыла.

Потому что «так написано на банке» звучало не очень убедительно, особенно если банка уже была открыта.

— Потому что... потому что вы можете всем навредить!

Скука чуть наклонила голову.

— Я никому не врежу. Я просто сделаю так, что всем станет всё равно. Это почти не больно.

Пых прошептал:

— Мне уже не нравится это «почти».

Варя подняла палочку.

— Я вас не пушу!

Палочка в её руке дрогнула. На кончике вспыхнула искра. Варя попыталась вспомнить хоть одно подходящее заклинание.

«Чихни, икни и подпрыгни»? Нет.

«Пятно на носу»? Совсем нет.

«Пусть ботинок заскрипит»? Тем более нет.

Скука медленно поплыла вперёд.

— Отойдите, маленькая ведьмочка. Вам же лень спорить.

И Варя вдруг поняла, что ей правда становится лень спорить.
Лень держать палочку.
Лень стоять прямо.
Лень быть смелой.
Но тут Пых громко сказал:
— Варя! Представь, что в обычной школе метлами подметают пол!
Варя вздрогнула.
— Что?
— Пол! — повторил Пых. — Метлами! Без полётов! Без виражей! Без ночных гонок
вокруг башни!
Это помогло.
Варя сжала палочку крепче.
— Нет, — сказала она. — Я не отойду.
Она взмахнула палочкой и выпалила первое, что пришло в голову:
— Пятно на носу!
Из палочки вылетела золотая искорка.
Она ударилась о Скуку.
На сером туманном носу Скуки появилось маленькое жёлтое пятнышко в форме звёз-
дочки.
Пых моргнул.
— Ну... стало наряднее.
Скука посмотрела на свой нос.
— Хм. Почти интересно.
На секунду серый туман вокруг неё стал чуть светлее.
Варя заметила это.
— Пых, ты видел?
— Видел. У неё теперь звёздочный нос. Очень модно.
— Нет! Она посветлела!
Но Скука уже снова стала серой.
— Надоело, — сказала она и просочилась мимо Вари к двери.
Пых попытался броситься следом, но наступил на крышку от банки, поскользнулся и
проехал по полу прямо в мешок с надписью «*Сонные маковые зёрна*».
— Я в порядке, — пробормотал он из мешка. — Просто временно стал частью урожая.
Варя кинулась к двери.
— Стойте!
Но Скука уже вытекла в коридор.
Как только серый туман коснулся стен, портреты ведьм за дверью перестали храпеть и
начали скучать во сне.
Один портрет открыл глаз и сказал:
— Ох... опять ночь... опять рама... опять я...
Другой портрет отложил вязание.
— А зачем вообще носки? У всех и так ноги...
Варя выбежала в коридор.
Скука медленно плыла вперёд, растекаясь по полу.
Там, где она проходила, всё тускло.
Медный глобус перестал показывать забытые носки и стал просто шаром.
Дверная ручка зевнула и сказала:
— Открывать, закрывать... какая разница...
Лестница в восточное крыло перестала менять ступеньки местами.

— Не хочу шалить, — вздохнула она. — Это требует сил.

Варя испугалась по-настоящему.

Не потому что Скука была страшной.

А потому что она делала нестрашным вообще всё.

Даже чудеса.

— Пых! — позвала Варя. — Надо разбудить учителей!

Пых выбрался из мешка, весь усыпанный маковыми зёрнами.

— Отличная мысль. А потом честно признаться, что мы ночью открыли запрещённую банку?

Варя замерла.

В животе у неё похолодело.

Директор и так говорила про обычную школу. А теперь, если узнает...

Варя представила лицо Аграфены Грозовой. Журнал оценок. Строгий голос:

«Варвара Морошкина, это уже не ромашковый чай. Это беда».

Скука тем временем доплыла до поворота и стала больше.

— Надо что-то делать — сказал Пых. — Желательно быстро. Пока мне не стало всё равно, ел я ужин или нет.

Варя посмотрела на серый туман.

Потом на открытую банку в кладовой.

Потом на свою палочку.

— Мы сами её поймаем — сказала она.

Пых медленно повернул голову.

— Прости, мне показалось, ты сказала что-то безумное.

— Мы её выпустили. Значит, нам её и ловить.

— Варя, это очень благородно. И очень плохо продумано.

— Сначала попробуем вернуть её в банку. А если не получится — тогда позовём директора.

Пых вздохнул так тяжело, что с его усов слетело три маковых зёрнышка.

— Ладно. Но если нас превратят в учебные пособия, я хочу быть пособием по обеду.

Варя схватила серую банку и крышку.

— Пойдём!

Они побежали по коридору за Скукой.

Вернее, Варя побежала.

Пых сначала побежал, потом вспомнил, что он загадочный колдовской кот, и перешёл на быстрый таинственный шаг.

Скука уже просачивалась под дверь класса вредных заклинаний.

Из-за двери донеслось сонное:

— Больше не хочу вредничать... вредничать скучно...

— Она добралась до классов! — прошептала Варя.

— Может, это даже к лучшему? — осторожно сказал Пых. — Меньше пятен на носу.

Но тут дверь приоткрылась, и из класса выползло серое облачко побольше.

Скука росла.

Варя сжала банку.

— Надо подкрасться и накрыть её.

— Конечно, — сказал Пых. — Ловить туман банкой. Классика.

Они тихо вошли в класс.

Скука висела над партами, как серое одеяло. На доске мел сам написал:

«Урок отменяется. Всё равно никто не придёт».

Варя осторожно подошла ближе.

— Сейчас, — прошептала она.

Она подняла банку.

Скука повернулась.

— Опять вы?

— Да, — сказала Варя. — Простите, но вам пора обратно.

Она резко взмахнула банкой.

Но Скука вытянулась тонкой ленточкой и ускользнула.

Варя поймала только маленький кусочек серого тумана.

Крышка захлопнулась.

Внутри банки что-то недовольно зевнуло.

Пых заглянул.

— Поздравляю. Мы поймали... примерно ложку скуки.

Варя посмотрела на класс.

Основная Скука уже выплывала в другую дверь.

И стала ещё больше.

— Она идёт к спальням, — прошептала Варя.

Пых побледнел под шерстью.

— Если она доберётся до кухни, завтрак станет овсянкой без варенья.

Это было ужасно.

Даже Варя это понимала.

Они снова бросились следом.

Но чем дальше плыла Скука, тем тяжелее становились шаги.

Коридоры тускнели.

Фонари горели всё слабее.

Портреты перестали шептаться.

Где-то вдалеке школьный колокол сонно пробормотал:

— Дзынь... наверное...

Варя остановилась, тяжело дыша.

— Пых... я не знаю, как её поймать.

Пых сел рядом.

— Может, страшным зельем?

— У меня нет страшного зелья.

— Тогда добрым?

Варя посмотрела на него.

— Добрым?

— Ну да. У тебя они всё время получаются, когда не надо. Может, сейчас как раз надо?

Варя молчала.

Она вспомнила, как золотая искорка оставила на носу Скуки жёлтую звёздочку. И как Скука на секунду сказала: «Почти интересно».

Почти интересно.

— Пых, — медленно сказала Варя, — кажется, Скука боится не страшного.

— А чего?

Варя посмотрела в серый коридор, где исчезала Скука.

— Интересного.

Пых поднял усы.

— Тогда у нас проблема. Сейчас ночь, школа спит, а самое интересное — это то, что нас завтра точно накажут.

Варя впервые за весь вечер чуть-чуть улыбнулась.

— Значит, надо придумать что-нибудь интереснее.

В этот момент в конце коридора хлопнула дверь.

Появилась Зоя Злючкина в ночной мантии и с растрёпанной косой.

В одной руке она держала палочку, в другой — подушку.

— Кто тут шумит? — сердито прошептала она. — Я почти видела прекрасный сон, где всем поставили двойки, кроме меня!

Потом Зоя увидела серый туман, тусклые фонари, Варю с банкой и Пыха в маковых зёрнах.

— Морошкина, — сказала она подозрительно. — Что ты натворила?

Варя прижала банку к груди.

Ей очень хотелось сказать: «Ничего».

Или: «Само случилось».

Или: «Это учебная Скука, мы просто повторяем материал».

Но серый туман за спиной Зои становился всё больше.

И Варя поняла: если она сейчас соврёт, станет только хуже.

Она глубоко вдохнула.

— Я случайно выпустила Скуку из банки — сказала Варя. — И теперь она расплзается по школе.

Зоя долго смотрела на неё.

Потом медленно сказала:

— Ты выпустила... Скуку?

Варя кивнула.

— Из запрещённой кладовой?

Варя снова кивнула.

— Ночью?

— Да.

Зоя нахмурилась.

— Без меня?

Пых моргнул.

— Вот это неожиданный вопрос.

Зоя поправила ночную мантию и решительно подняла палочку.

— Ладно. Я помогу.

Варя удивилась.

— Правда?

— Конечно, — сказала Зоя. — Если Скука захватит школу, отменят пятничный экзамен.

А я готовилась.

Она шагнула вперёд и посмотрела на серый туман.

— Кроме того, никто не имеет права портить школу, кроме учеников школы. Это правило.

Пых кивнул.

— Странное, но уверенное.

Скука тем временем доплыла до главной лестницы.

Оттуда уже было рукой подать до большого зала, учительской и кухни.

Варя, Пых и Зоя переглянулись.

— Надо остановить её до утра — сказала Варя.

— Надо придумать, чем её заинтересовать — сказала Зоя.

— Надо спасти завтрак — сказал Пых.

И все трое побежали за серым туманом, который медленно, лениво и очень скучно расплзался по школе колдовства «Чёрный Чулан».

А далеко внизу, в главном зале, первые котлы уже начали переставать булькать.

Глава 4. Самое зевательное утро

Скука ползла по главной лестнице вниз.

Она не спешила.

Скука вообще никогда не спешила. Спешить — это ведь почти интересно.

За ней по ступенькам бежали Варя, Зоя и Пых.

Вернее, Варя бежала.

Зоя быстро и сердито шагала, потому что считала бег по школе нарушением дисциплины.

А Пых, то догонял их, то отставал, потому что маковые зёрнышки всё ещё сыпались с его шерсти, и он иногда останавливался, чтобы возмущённо их стряхнуть.

— Нам нужен план — сказала Зоя.

— У меня есть банка — сказала Варя.

— Это не план. Это посуда.

— Очень важная посуда, — вставил Пых. — С историей.

Скука тем временем достигла площадки между этажами. Там стояла каменная статуя первой директрисы школы — ведьмы Евлампии Суровой. Обычно статуя грозно указывала пальцем на нарушителей и иногда говорила:

— Я всё вижу!

Но стоило серому туману коснуться её каменных башмаков, как статуя опустила руку и вздохнула:

— Я всё вижу... но зачем?..

Зоя ахнула.

— Она испортила Евлампию Суровую!

Пых посмотрел на статую.

— Честно говоря, она стала немного приятнее.

— Пых!

— Молчу. С уважением к камню.

Варя остановилась на лестнице и подняла палочку.

— Надо попробовать снова. Может, если сделать что-то весёлое...

— Ты знаешь весёлые заклинания? — спросила Зоя.

— Нет. Но у меня иногда случайно получаются.

— Отлично, — сказала Зоя. — Спасаем школу случайностями. Очень надёжно.

Варя покраснела, но не отступила.

Она прицелилась палочкой в Скуку и попыталась вспомнить заклинание «Пусть ботинок заскрипит». Вдруг получится наоборот — и станет смешно?

— Пусть... ботинок... заскрипит! — произнесла она.

Из палочки вылетела яркая искра, ударилась о ступеньку, отскочила и попала в ботинок Зои.

Ботинок Зои громко сказал:

— Ква.

Зоя медленно посмотрела вниз.

— Мой ботинок только что квакнул?

Ботинок снова сказал:

— Ква-ква.

Пых прикрыл рот лапой.

— Я не смеюсь. Я просто дышу с трудом.

Варя испугалась:

— Прости! Я не хотела!

Но тут произошло удивительное.

Скука, которая уже почти спустилась на следующий пролёт, замедлилась. Серый туман чуть дрогнул, будто прислушался.

Зоя нахмурилась.

— Ей понравился мой ботинок?

— Не понравился — сказала Варя. — Ей стало интересно.

Пых оживился.

— Тогда пусть второй ботинок скажет «мяу».

— Нет! — Зоя прижала ногу к полу. — Мои ботинки не театр.

Скука обернулась.

— Что это было? — протянула она.

— Ничего! — быстро сказала Зоя.

Ботинок предательски добавил:

— Ква.

Скука на мгновение стала светлее по краям.

— Хм... странно...

— Видите? — прошептала Варя. — Нужно делать что-то неожиданное.

— У тебя вся магия неожиданная — сказала Зоя. — Значит, ты сейчас очень полезна.

Варя не успела решить, обидеться ей или обрадоваться, потому что Скука снова поплыла вниз.

— За ней! — сказала Зоя.

Они бросились дальше.

Главная лестница закончилась широким коридором, который вёл к большому залу. Обычно по утрам там было шумно: котлы булькали, чашки спорили с ложками, булочки пытались сбежать от слишком голодных учеников.

Но сейчас была ночь.

И всё равно из большого зала доносилось что-то странное.

Не шум.

Не разговоры.

А длинное, тягучее:

— А-а-а-а-ах...

Пых остановился как вкопанный.

— Это не я. Я так зеваю короче.

Варя заглянула за угол.

Большой зал был наполнен серым туманом.

По стенам висели потускневшие флаги факультетов. Длинные столы казались плоскими и скучными. Волшебные свечи горели не огоньками, а маленькими серыми точками.

В центре зала стояла Скука.

Она стала гораздо больше. Теперь её голова почти доставала до люстры, а длинные туманные руки лениво опирались на столы.

Вокруг неё сонно бродили утренние котлы.

Они должны были готовить завтрак.

Один котёл обычно варил кашу с корицей.

Другой — какао с облачными пенками.

Третий — суп для привидений, прозрачный и очень обидчивый.

Но теперь котлы просто стояли и уныло побулькивали.

— Буль... наверное...

— Каша... зачем...

— Корица... какая разница...

Пых схватился за сердце.
— Завтрак погибает.
— Не погибает — сказала Зоя. — Скучнеет.
— Это ещё хуже.
Варя крепче сжала палочку.
— Если Скука останется здесь до утра, все проснутся и...
Она не договорила.
Но все поняли.
Все проснутся и станут такими же серыми.
Не будут спорить с учебниками.
Не будут летать на метлах.
Не будут смеяться, вредничать, ошибаться, придумывать.
Даже Зоя не захочет получать пятёрки.
Зоя, кажется, тоже это поняла, потому что её лицо стало совсем серьёзным.
— Надо разбудить директора — сказала она.
Варя вздрогнула.
— Но тогда она узнает, что я открыла банку.
— Конечно узнает.
— И меня точно переведут.
Зоя посмотрела на неё и вдруг сказала не злобно, а почти по-доброму:
— Если Скука захватит школу, переводить будет уже некуда. Здесь тоже станет обычное
обычного.
Варя опустила глаза.
Это было правдой.
Но признаться всё равно было страшно.
Пых осторожно потёрся о её ногу.
— Варя, я, конечно, не любитель строгих разговоров. Особенно до завтрака. Но Зоя
права.
Варя глубоко вдохнула.
— Хорошо. Идём к директору.
Но в этот момент Скука подняла голову.
— Директор... учителя... правила... — протянула она. — Как утомительно.
Она махнула рукой.
Серый туман разлился по полу и накрыл выход из зала.
Двери сами собой закрылись.
Бум.
Варя, Зоя и Пых оказались внутри большого зала вместе со Скукой.
Пых посмотрел на закрытые двери.
— Хорошая новость: к директору идти уже не надо.
— Это не хорошая новость — сказала Зоя.
— Я пытался поддержать.
Скука медленно повернулась к ним.
— Маленькие ведьмочки... и кот... Зачем вы бегаєте? Сядьте. Зевните. Подумайте о
чём-нибудь одинаковом.
— Не будем! — сказала Зоя.
Она вскинула палочку.
— Колючий вихрь!
Из её палочки вырвался зелёный вихрь с колючками. Он закрутился по залу, налетел на
Скуку и... застрял в ней, как ложка в киселе.

Скука зевнула.
Колючки обмякли и превратились в серые ниточки.
— Скучно, — сказала Скука.
Зоя побледнела.
— Моё лучшее заклинание...
— Может, ещё раз? — предложил Пых.
— Оно стало нитками!
— Тогда можно связать шарф.
Зоя так посмотрела на кота, что он сразу сделал вид, будто изучает ножку стола.
Варя подняла палочку.
— Я попробую.
— Что именно? — спросила Зоя.
— Не знаю.
— Прекрасно.
Варя направила палочку на Скуку и громко сказала первое доброе заклинание, которое когда-то случайно придумала:
— Улыбнись и обними!
Зоя прошипела:
— Это звучит ужасно не ведмински.
Из палочки вылетели три золотые искорки. Они закружились вокруг Скуки и превратились в маленькие светящиеся пузыри.
В каждом пузыре было что-то крошечное:
в одном — солнечный зайчик;
во втором — запах булочек;
в третьем — чей-то детский смех.
Пузыри лопнули прямо перед Скукой.
Серый туман дрогнул.
Котлы в углу вдруг оживились.
— Буль? — сказал один.
— Корица? — осторожно спросил второй.
— А может... какао? — мечтательно булькнул третий.
Скука стала чуть меньше.
Совсем чуть-чуть, но стала.
— Работает! — закричала Варя.
— Тихе! — сказала Зоя. — Нас всё ещё могут услышать.
Пых оглядел огромную серую Скуку, закрытые двери и потускневший зал.
— Зоя, по-моему, сейчас услышать нас — это даже цель.
Варя снова подняла палочку.
— Улыбнись и...
Но Скука вдруг вытянула руку.
Серый туман обвился вокруг Вариной палочки.
Палочка потускнела.
На её кончике вместо золотой искры появилась маленькая серая точка.
Варя почувствовала, как в голове стало пусто.
Она забыла заклинание.
Забыла, зачем подняла палочку.
Забыла, почему важно стараться.
— Может... правда сядем? — тихо сказала она.
Пых испуганно подпрыгнул.

— Варя!
Зоя схватила Варю за плечи.
— Морошкина! Не вздумай скучнеть!
— Я не скучнею, — медленно сказала Варя. — Просто... всё равно...
Зоя нахмурилась так сильно, как только умела.
— Тебе не всё равно!
— Наверное...
— Тебя переведут в обычную школу!
Варя моргнула.
— Обычную...
— Где метлами подметают пол! — добавил Пых.
Варя вздрогнула.
Серая точка на палочке чуть потеплела.
Зоя быстро сказала:
— И там, наверное, нет говорящих дверей!
— И котлов! — сказал Пых.
— И банка с перцем на тебя не смотрит! — добавила Зоя.
Варя посмотрела на них.
— Это, между прочим, не самое плохое.
— Варя! — воскликнул Пых. — Соберись! Кто будет варить мне чай с печеньем в научных целях?
Варя глубоко вдохнула.
Где-то внутри неё снова загорелась маленькая искорка.
Не яркая.
Не громкая.
Но тёплая.
Она сжала палочку.
— Мне не всё равно — сказала Варя.
Серая точка исчезла.
Палочка снова вспыхнула золотом.
Скука отступила.
— Слишком много волнения, — протянула она. — Утомительно.
— Зато не скучно — сказала Варя.
И тут Зоя вдруг улыбнулась.
Совсем немного.
— У меня есть идея.
Пых насторожился.
— Если идея Зои Злючкиной начинается с улыбки, кому-то будет неудобно.
— Именно, — сказала Зоя.
Она подбежала к ближайшему столу и взмахнула палочкой.
— Пятно на носу!
Из палочки вылетела зелёная искра и попала в один из портретов на стене. На носу у портретной ведьмы появилось большое фиолетовое пятно.
Портрет проснулся.
— Безобразие! — возмутилась ведьма. — Кто посмел украсить мой выдающийся нос?
Скука повернула голову.
— Шумно...
Зоя снова взмахнула палочкой.
— Скрипучий ботинок!

На этот раз заскрипел не ботинок, а весь длинный стол.
Скрип-скрип-скрип!
Стол зашевелился и начал подпрыгивать на ножках, как гусеница.
Пых запрыгнул на него от неожиданности.
— Я не участвую! — крикнул он, катаясь по столу. — Я пассажир!
Варя вдруг поняла, что Зоя делает.
Она создаёт беспорядок.
Не злой.
Не опасный.
А такой странный и смешной, что на него невозможно не смотреть.
Варя тоже подняла палочку.
— Пирог на весу!
Она хотела сказать «Пятно на носу», но ошиблась.
И над столом действительно появился пирог.
Большой. Румяный. С яблоками.
Он висел в воздухе и медленно вращался.
Пых замер.
— Варя, я всегда верил в твой талант.
Пирог вдруг открыл глаза.
— А я где? — спросил он.
Зоя уставилась на него.
— Ты создала говорящий пирог?
— Кажется, да.
— Это самое неправильное заклинание, которое я видела.
Варя виновато опустила палочку.
— Прости.
Зоя вдруг сказала:
— Нет. Это великолепно.
Пирог важно кашлянул.
— Я бы попросил не обсуждать меня так, будто я не слышу.
Пых, всё ещё сидя на скрипящем столе, поклонился пирогу.
— Уважаемый пирог, не хотите ли помочь спасти школу?
— А что за школа? — спросил пирог.
— Волшебная.
— А что случилось?
— Скука.
Пирог посмотрел на огромный серый туман.
— Неприятная особа.
Скука, которая до этого лениво наблюдала за скрипящим столом, пятнистым портретом и говорящим пирогом, вдруг стала совсем бледной по краям.
— Слишком... необычно...
— Именно! — крикнула Зоя. — Продолжаем!
И тут в большом зале началось такое, чего школа «Чёрный Чулан» не видела даже на выпускном экзамене старших ведьм.
Зоя делала вредные заклинания, но направляла их не на учеников, а на мебель.
Стулья начали икать.
Ложки маршировали по столу.
Одна супница обиделась и спряталась под скатерть.
Варя пыталась помогать, но её заклинания получались добрыми и странными.

Из котла вылетели мыльные пузыри с запахом клубники.

Салфетки сложились в бумажных журавликов.

Серый потолок на секунду покрылся звёздами.

Пых бегал между столами и командовал:

— Больше пузырей! Меньше овсянки! Пирог, левее! Ложки, держать строй!

Говорящий пирог гордо парил над залом и произносил:

— Я, конечно, десерт, но чувство долга у меня есть!

Скука уменьшалась.

Сначала она была до люстры.

Потом — до верхней полки.

Потом — всего лишь до большого шкафа.

— Хватит, — протянула она. — Слишком много всего...

— А вот и нет! — сказала Варя.

Ей уже не было страшно.

Впервые за весь вечер ей казалось, что её неправильная магия — не беда. Она была как раз такой, какая нужна.

Варя подняла палочку и громко сказала:

— Пусть будет интересно!

Это не было заклинанием из учебника.

Такого вообще не было ни в одном учебнике.

Но палочка поняла.

Из неё вылетел тёплый золотой свет. Он разлился по залу, коснулся котлов, свечей, столов, портретов и даже Зоиного квакающего ботинка.

Большой зал вспыхнул красками.

Котлы забулькали весело.

— Какао!

— Корица!

— Булочки!

— Суп для привидений, но с настроением!

Скука сжалась до размера большой подушки.

Пых схватил пустую банку.

— Сейчас!

Варя и Зоя направили палочки на Скуку.

— В банку! — крикнула Зоя.

— Пожалуйста! — добавила Варя.

Зоя на секунду покосилась на неё.

— Ты сказала Скуке «пожалуйста»?

— Вежливость иногда помогает.

Скука закружилась, вытянулась тонкой серой лентой, и почти вся влетела в банку.

Пых уже готов был захлопнуть крышку, но вдруг из двери в зал донёсся строгий голос:

— Что. Здесь. Происходит?

Двери распахнулись.

На пороге стояла директор Аграфена Грозовая.

В ночной мантии.

В тапочках с маленькими летучими мышами.

С совершенно грозным лицом.

За её спиной выглядывали сонные учителя.

А в зале были:

— квакающий ботинок Зои,

— марширующие ложки,
— пятнистый портрет,
— бумажные журавлики,
— Пых с серой банкой,
— говорящий пирог в воздухе,
и Варя с палочкой, из которой всё ещё сыпались золотые искры.
Скука, воспользовавшись моментом, тихо выскользнула из банки маленьким серым хвостиком и спряталась под главным учительским столом.
Варя это увидела.
Пых это увидел.
Зоя это увидела.
Директор — пока нет.
Аграфена Грозовая медленно осмотрела зал.
— Варвара Морошкина, — сказала она очень тихо.
Когда директор говорила тихо, это было гораздо страшнее, чем если бы она кричала.
Варя сглотнула.
— Да, Аграфена Грозовая?
— Почему в главном зале парит пирог?
Пирог возмущённо кашлянул.
— Между прочим, я не просто парю. Я участвую в спасательной операции.
Директор закрыла глаза.
Открыла.
— Почему пирог разговаривает?
Пых поднял лапу.
— Можно я отвечу?
— Нельзя.
— Тогда промолчу с большим трудом.
Директор перевела взгляд на Зою.
— Зоя Злючкина. Почему ваш левый ботинок квакает?
Ботинок сказал:
— Ква.
Зоя выпрямилась.
— Это побочный эффект борьбы со Скукой.
В зале стало тихо.
Учителя переглянулись.
Аграфена Грозовая медленно повторила:
— Со Скукой?
Варя опустила голову.
Теперь скрывать было нельзя.
Серый хвостик под столом тем временем стал чуть длиннее.
Варя сделала шаг вперёд.
— Это я — сказала она. — Я случайно открыла банку в кладовой редких ингредиентов.
Там была Скука. Она выбралась и начала расползаться по школе. Мы пытались её поймать.
Директор очень долго молчала.
Так долго, что даже ложки перестали маршировать и встали по стойке «смирно».
— Вы были в запрещённой кладовой ночью? — спросила Аграфена Грозовая.
Варя кивнула.
— Да.
— Взяли запрещённую банку?

— Да.

— Открыли её?

— Случайно.

— Выпустили Скуку?

— Да.

Пых добавил:

— Но с большим сожалением.

Директор посмотрела на него.

— Кот Пых, вы участвовали?

Пых сел ровнее.

— Как моральная поддержка, источник чихания и временный хранитель банки.

Аграфена Грозовая глубоко вдохнула.

Казалось, сейчас будет гроза.

Настоящая.

Директорская.

Но в этот момент из-под учительского стола донеслось:

— А-а-а-ах...

Все повернулись.

Серая Скука медленно выползала обратно.

Она уже стала размером с кресло.

— Наказания... объяснения... правила... — протянула она. — Как скучно... Но удобно.

От этого я расту...

Директор резко подняла палочку.

— Все назад!

Учителя сразу оживились.

Профессор Мракс, учитель вредных заклинаний, выкрикнул:

— Дымовая обида!

Мадам Крапива, учительница зельеварения, плеснула из флакона зелёную жидкость.

Старый преподаватель полётов взмахнул метлой и закричал:

— Вихрь противной пыли!

На Скуку обрушились дым, зелья, колючие искры и пыль.

Сначала её почти не стало видно.

Варя даже обрадовалась.

Но потом серый туман раздался в стороны и стал ещё больше.

Скука зевнула так широко, что погасли три свечи.

— Страшно... вредно... сердито... — сказала она. — Всё это я уже видела. Скучно.

Учителя отступили.

Аграфена Грозовая нахмурилась.

— Невозможно...

Варя тихо сказала:

— Страшная магия на неё не действует.

Директор обернулась.

— Что?

Варя сжала палочку.

Ей было страшно говорить. Но теперь уже не так страшно, как раньше.

— Мы заметили... если делать что-то неожиданное, доброе или смешное, она уменьшается. А от страшных заклинаний ей всё равно.

Профессор Мракс возмутился:

— Как это — страшные заклинания бесполезны?

Скука кивнула.

— Очень бесполезны.

Пых шепнул:

— Грубовато, но честно.

Аграфена Грозовая посмотрела на Варю. Потом на золотые искры у неё на палочке. Потом на говорящий пирог, который важно парил под потолком.

— Значит, — медленно сказала директор, — против Скуки нужна... другая магия.

Варя кивнула.

— Кажется, да.

Скука снова начала расти.

Серый туман пополз по столам, по полу, к дверям. За окнами уже чуть светлело. Скоро проснётся вся школа.

Если Скука доберётся до спален, утро станет самым зевательным утром в истории «Чёрного Чулана».

Директор Аграфена Грозовая выпрямилась.

— Варвара Морошкина.

Варя напряглась.

— Да?

— Что вам нужно?

Варя не сразу поняла.

— Для наказания?

— Для зелья.

Варя моргнула.

— Для... зелья?

— Если ваша магия действует на Скуку, значит, вы сварите против неё зелье. Быстро.

Варя почувствовала, как сердце у неё стукнуло где-то в горле.

— Я?

— Вы, — сказала директор. — А мы будем помогать.

Зоя шагнула рядом с Варей.

— И я.

Пых поднял лапу.

— И я. Особенно если в рецепте будет дегустация.

Говорящий пирог кашлянул.

— Я тоже готов послужить науке. Но не кусать.

Варя посмотрела на всех: на директора, на учителей, на Зою, на Пыха, на странный парящий пирог, на серую Скуку, которая медленно заполняла зал.

Ещё вчера она думала, что её добрые зелья никому не нужны.

А сейчас вся школа ждала именно их.

Варя глубоко вдохнула.

— Мне нужен котёл — сказала она. — Большой.

Котлы у стены оживились.

— Я большой!

— Нет, я больше!

— А я красивее!

— И ещё нужны ингредиенты, — продолжила Варя. — Не обычные.

— Какие? — спросила директор.

Варя задумалась.

Она не знала точного рецепта.

Но почему-то чувствовала, что зелье против Скуки нельзя сварить из сушёного грома и перца для привидений.

Ему нужно что-то другое.

Что-то живое.

Тёплое.

Интересное.

— Нам понадобятся, — медленно сказала Варя, — смех, удивление, дружба... и что-нибудь, от чего хочется проснуться.

Пых поднял усы.

— Завтрак?

— Возможно, — сказала Варя.

Скука зевнула.

— Всё равно не получится...

Варя повернулась к ней.

И впервые сказала совсем уверенно:

— А вот это мы ещё посмотрим.

За окнами розовело утро.

В школе колдовства «Чёрный Чулан» начинался самый важный урок.

Урок, которого не было ни в одном расписании.

Глава 5. Страшная магия не помогает

Большой котёл поставили прямо посреди зала.

Это был самый большой школьный котёл — тот самый, в котором обычно варили праздничный суп на День первой метлы.

Котёл был чёрный, пузатый и очень гордый.

На его боку золотыми буквами было написано:

«Не пинать. Я заслуженный».

— Мне нужен синий огонь — сказала Варя.

Профессор Мракс щёлкнул пальцами. Под котлом вспыхнуло синее пламя.

— Сильнее? — спросил он мрачно.

— Нет, — сказала Варя. — Теплее.

Профессор Мракс выглядел так, будто его попросили улыбнуться на контрольной.

— Теплее?

— Да. Не страшнее. Теплее.

Профессор Мракс покосился на директора.

Аграфена Грозовая кивнула:

— Делайте, как она говорит.

Профессор Мракс вздохнул, пробормотал что-то себе под нос, и синее пламя стало мягче. Теперь оно не шипело, а тихо потрескивало, как камин зимним вечером.

Котёл довольно булькнул.

— Так лучше — сказал он.

Варя встала перед ним с большой деревянной ложкой.

Ложка была почти выше самой Вари и всё время пыталась важничать.

— Я, между прочим, мешала зелье Ночной Икоты в прошлом году, — сообщила она.

— Очень приятно — сказала Варя. — Сейчас ты будешь мешать зелье против Скуки.

Ложка замолчала.

Потом тихо сказала:

— Ого.

Скука висела у дальних стен большим серым облаком. Учителя удерживали её защитным кругом, но получалось плохо. От каждого обычного заклинания Скука только зевала и становилась шире.

— Быстрее, Варвара — сказала директор.

Варя кивнула.

Но внутри у неё всё дрожало.

Она никогда не варила зелье по своему рецепту.

Тем более такое большое.

Тем более при всех.

Тем более, когда весь зал смотрел на неё так, будто она правда может спасти школу.

Зоя заметила это и встала рядом.

— Начинай с того, что у тебя получается — сказала она.

— У меня получается чай, — прошептала Варя.

— Значит, начни с чая.

Варя посмотрела на неё.

Зоя пожала плечами:

— Если сегодня чай спасёт школу, я никому не расскажу, что одобрила его на экзамене.

Пых запрыгнул на край стола.

— Я расскажу. Но красиво.

Варя улыбнулась.

Совсем чуть-чуть.

И бросила в котёл первую щепотку ромашки.

Профессор Мракс застонал:

— Ромашка...

Мадам Крапива шикнула на него:

— Тише. Вы своими вредностями уже попробовали.

Ромашка коснулась воды.

По залу сразу поплыл лёгкий тёплый запах.

Не праздничный.

Не громкий.

А такой, от которого хотелось сесть у окна, завернуться в плед и рассказать кому-нибудь, что сегодня было трудно.

Скука поморщилась.

— Слишком уютно...

Варя заметила это.

— Работает.

Она добавила ещё немного ромашки.

Потом каплю мёда.

Директор Аграфена Грозовая открыла рот, будто хотела сказать: «Мёд не входит в учебный план».

Но посмотрела на Скуку и промолчала.

Мёд упал в котёл золотой каплей.

Зелье вспыхнуло мягким светом.

— Теперь нужен смех — сказала Варя.

Все переглянулись.

— Смех? — переспросил профессор Мракс. — У нас сейчас чрезвычайная ситуация.

— Поэтому он и нужен.

— У меня есть злорадный смешок, — предложила Зоя. — Подойдёт?

Варя задумалась.

— Наверное, нет. Нужен настоящий.

В зале стало неловко тихо.

Учителя, ученицы и даже портреты на стенах попытались вспомнить, что бывает смешного во время нашествия Скуки.

Пых поднял лапу.

— Я могу быть смешным.

— Ты и так — сказала Зоя.

— Это природный дар, — важно ответил Пых.

Он вышел на середину зала, отряхнул с усов последние маковые зёрнышки и сказал:

— Сейчас я покажу древний танец колдовских котов.

— Пых, ты умеешь танцевать? — удивилась Варя.

— Нет. Поэтому будет особенно древне.

Пых поднял переднюю лапу.

Потом вторую.

Потом понял, что стоять на двух задних лапах сложнее, чем выглядит у собак на картинках.

Он качнулся влево, качнулся вправо, попытался сделать таинственный поворот, наступил на собственный хвост и с громким «мряя!» покатился по полу прямо под стол.

На секунду все замерли.

А потом кто-то фыркнул.
Это была Зоя.
Она сразу зажала рот ладонью, но было поздно.
Следом хихикнула одна портретная ведьма.
Потом другая.
Потом профессор полётов кашлянул, но кашель подозрительно напоминал смешок.
Даже Аграфена Грозовая отвернулась к окну. Плечи у неё чуть дрогнули.
Пых вылез из-под стола с самым обиженным видом на свете.
На его голове оказалась салфетка.
— Я рад, что моё падение послужило науке — сказал он.
И тут Варя засмеялась.
Не громко.
Не насмешливо.
А так, как смеются, когда испуг уже немного отступил, а рядом есть друзья.
Её смех поднялся в воздух маленькой серебряной искоркой.
— Вот! — сказала Мадам Крапива. — Лови!
Варя осторожно подставила ложку.
Искорка смеха опустилась в неё, как светлячок.
Варя бросила её в котёл.
Зелье зашипело, но не сердито, а радостно.
Из котла вылетели три пузыря. Один пузырь лопнул возле Скуки.
Скука стала меньше.
— Слишком живо, — проворчала она. — Слишком... хихикательно.
— Следующий ингредиент — сказала директор. — Удивление?
Варя кивнула.
— Щепотка удивления.
— Где её взять? — спросила Зоя.
— У того, кто давно ничему не удивлялся — сказала Варя.
Все почему-то посмотрели на Аграфену Грозовую.
Директор нахмурилась.
— Почему вы смотрите на меня?
Портрет Евлампии Суровой на стене оживился и сказала:
— Потому что, Аграфена, ты в последний раз удивлялась, когда школьная метла написала заявление на отпуск.
— Это было действительно неожиданно, — строго сказала директор.
Варя осторожно подошла к ней.
— Аграфена Грозовая... вы можете чему-нибудь удивиться?
— По приказу не могу.
— А если попробовать?
Директор посмотрела на большой зал.
На Скуку.
На квакающий ботинок Зои.
На Пыха в салфетке.
На парящий говорящий пирог.
На Варю, которая варила зелье из ромашки, мёда и смеха, а не из сушёного грома.
Директор медленно сняла очки, протёрла их краем мантии и сказала:
— Знаете... за тридцать лет работы в школе я видела многое.
Я видела, как первоклассник превратил контрольную в хомяка.
Я видела, как шкаф отказался выдавать мантии из-за плохого настроения.

Я видела, как профессор Мракс случайно стал фиолетовым на три дня.
— Это была научная ошибка, — буркнул профессор Мракс.
— Но, — продолжила директор, — я впервые вижу, как школа спасается при помощи ромашкового чая и говорящего пирога.
Пирог важно поклонился в воздухе.
— Всегда рад быть историческим событием.
Аграфена Грозовая моргнула.
Потом ещё раз.
И вдруг над её ладонью появилась маленькая фиолетовая искорка.
Она была похожа на знак вопроса.
— Это оно! — сказала Варя. — Удивление!
Директор осторожно передала искорку Варе.
— Берегите. Я не часто им пользуюсь.
Варя бросила удивление в котёл.
Зелье стало светлее. Внутри него закружились золотые и фиолетовые полосы.
Скука зашипела, но не как змея, а как чайник, которому не нравится песня.
— Непривычно... — сказала она. — Неприятно непривычно...
Серый туман отступил от окон.
За окнами уже занималось утро. Розовый свет коснулся башен школы.
Но до победы было ещё далеко.
Скука всё ещё была огромной. Она растекалась по углам, пряталась под столами, цеплялась за люстры и шептала:
— Устанете... надоест... всё равно не выйдет...
Варя почувствовала, как её руки снова стали тяжёлыми.
Мешать ложкой было трудно.
Думать было трудно.
Верить — ещё труднее.
Зелье вдруг потускнело.
— Варя, — сказала Зоя, — не останавливайся.
— Я не знаю, что дальше.
— Ты говорила: дружба.
Варя кивнула.
— Нужна капля дружбы.
Пых оживился:
— Можно мою? Я дружу с Варей. И с пирогом. Хотя с пирогом пока в основном мысленно.
Говорящий пирог отлетел чуть выше.
— Осторожнее с мыслями, кот.
Варя улыбнулась, но покачала головой.
— Каплю дружбы нельзя просто взять. Она появляется, когда кто-то делает что-то дружеское.
— Например? — спросила Зоя.
Варя не знала.
И тут Скука ударила сильнее.
Серый туман волной прокатился по залу. Свечи потухли почти все сразу. Портреты замолчали. Ложки перестали маршировать и легли на стол.
Профессор Мракс сел на лавку и сказал:
— Может, правда хватит? Мы пробовали. Не получилось. Бывает.
Мадам Крапива опустила флакон.

— Я устала...

Пых зевнул.

— Я бы поспал минут семьдесят...

Зоя тряхнула головой.

— Нет! Не смей!

Но серый туман коснулся и её.

Её квакающий ботинок перестал квакать. Зоя посмотрела на него и вдруг тихо сказала:

— Может, пятничный экзамен тоже не важен...

Варя испугалась.

Если даже Зоя Злючкина сказала, что экзамен не важен, дело было совсем плохо.

Скука выросла снова.

Теперь она закрывала половину зала.

— Вот видите, — протянула она. — Так проще. Не стараться. Не переживать. Не хотеть.

Ничего.

Варя крепко держала ложку, но пальцы соскальзывали.

Ей тоже хотелось перестать.

Поставить ложку.

Сесть на пол.

Сказать: «Я не могу».

И вдруг рядом с ней встал Пых.

Он был сонный, серый по краям и очень серьёзный.

— Варя, — сказал он, — если ты бросишь ложку, я всё равно буду считать тебя настоящей ведьмочкой.

Варя посмотрела на него.

— Правда?

— Конечно. Ты же моя ведьмочка. Просто... — он зевнул, но упрямо продолжил: — Просто я очень надеюсь, что ты не бросишь. Потому что без тебя у нас получится только овсянка без варенья. А это уже почти конец света.

Варя почувствовала тепло в груди.

Маленькое. Но настоящее.

Над Пыхом появилась прозрачная капля. Она светилась мягким голубым светом.

— Капля дружбы! — сказала Мадам Крапива, вдруг очнувшись.

Варя протянула ладонь.

Капля опустилась ей на пальцы.

— Спасибо, Пых.

— Пожалуйста, — сказал кот. — Только не говори никому, что я был трогательным. У меня репутация.

Варя бросила каплю дружбы в котёл.

Зелье вспыхнуло голубым.

Скука отшатнулась так резко, что с люстры посыпалась пыль.

— Слишком тепло! — простонала она. — Слишком не всё равно!

В зале снова стало немного легче дышать.

Зоя встряхнулась, посмотрела на свой ботинок и строго сказала:

— Экзамен важен. Я временно забыла.

Ботинок слабо ответил:

— Ква.

— Вот и хорошо — сказала Зоя.

Варя мешала зелье. Теперь оно было почти готово. Ромашка, мёд, смех, удивление, дружба — всё кружилось в котле, переливалось и поднималось золотым паром.

Но чего-то не хватало.
Варя это чувствовала.
Зелье было сильным.
Добрым.
Тёплым.
Но не полным.
Скука тоже это почувствовала.
Она перестала отступать и медленно улыбнулась своим широким серым ртом.
— Не хватит — сказала она. — Почти получилось. Но почти — это тоже скучно.
Варя посмотрела в котёл.
Зелье булькало, словно пыталось что-то сказать.
— Чего тебе не хватает? — прошептала она.
Котёл выпустил маленький пузырь.
В пузыре на секунду появилось отражение Вари.
Маленькая рыжая ведьмочка.
Шляпа сползла на глаза.
Мантия измята.
Палочка кривоватая.
В руках огромная ложка.
И рядом — серенькая тучка, которая всё ещё шептала: «Ты неправильная».
Варя поняла.
Но понять было одно.
А сказать вслух — совсем другое.
Аграфена Грозовая подошла ближе.
— Варвара, что нужно?
Варя молчала.
Скука снова начала расползаться по залу.
— Она не скажет, — протянула Скука. — Ей стыдно. Стыд — очень удобная вещь. От него всё становится серым.
Зоя шагнула к Варе.
— Морошкина?
Варя опустила голову.
— Последний ингредиент... это не травка.
— А что? — спросила Зоя.
Варя сжала ложку.
— Смелость.
Профессор полётов оживился:
— У меня есть настойка храбрости!
— Нет, — Варя покачала головой. — Не такая смелость. Не чтобы прыгнуть с башни или полететь сквозь грозу.
Она посмотрела на котёл.
Потом на директора.
Потом на Зою, Пыха, учителей, портреты, котлы и говорящий пирог.
Все ждали.
Скука нависла над ней, большая и серая.
— Не говори, — прошептала она. — Это неловко. Это странно. Лучше промолчи. Промолчать проще.
Варя вдохнула.
И сказала:

— Я не умею варить страшные зелья.

В зале стало тихо.

Даже Скука перестала зевать.

Варя продолжила. Голос у неё дрожал, но она не остановилась.

— Я старалась. Очень. Я читала рецепты, добавляла перец, плесень, сушёную щекотку. Я хотела быть как все. Но каждый раз у меня получался чай, мазь от царапин, сироп от плохого настроения или мыльные пузыри.

Пых тихо сказал:

— Хорошие пузыри, между прочим.

Варя улыбнулась ему и снова посмотрела на всех.

— Я думала, что со мной что-то не так. Что я неправильная ведьмочка.

Скука потянулась к ней серой рукой.

— Да-а... неправильная... вот это знакомо...

Но Варя вдруг выпрямилась.

— Но сейчас я поняла: моя магия не неправильная. Она просто другая.

Котёл засиял.

Варя подняла голову выше.

— Я ведьмочка Варя Морошкина. Я варю добрые зелья. И мне больше не стыдно.

Последние слова прозвучали громко.

Так громко, что отозвались под потолком.

И в тот же миг из Вариного сердца будто вылетела золотая искра.

Она была не похожа на смех.

Не похожа на удивление.

Не похожа на дружбу.

Она была похожа на маленькое солнце.

Искра упала в котёл.

Зелье вспыхнуло так ярко, что все зажмурились.

Из котла поднялся золотой столб пара. В нём кружились ромашки, мыльные пузыри, крошечные звёзды, бумажные журавлики, запах мёда, тёплый смех и синие искорки дружбы.

Скука отшатнулась.

— Нет... — протянула она. — Слишком ясно... слишком по-настоящему...

Золотой пар разлился по залу.

Он коснулся ложек — и те снова зашагали, теперь уже танцуя.

Коснулся портретов — и ведьмы на них заспорили, кто лучше выглядел в молодости.

Коснулся котлов — и они забулькали так радостно, будто готовили завтрак для королевы.

Зоя посмотрела на Варю.

И вдруг сказала:

— Ты не неправильная.

Варя моргнула.

Зоя нахмурилась, будто ей было трудно говорить приятное.

— Просто... если бы все варили только страшные зелья, мы бы сейчас проиграли.

Пых кивнул.

— А если бы все были как я, пироги долго бы не прожили.

Говорящий пирог возмущённо взлетел выше.

— Попрошу без угроз в адрес выпечки!

Скука становилась всё меньше.

Она сжалась до размера шкафа.

Потом до размера стула.

Потом до размера подушки.

— Банку! — крикнула директор.

Пых схватил серую банку.

Зоя подбежала с крышкой.

Варя направила на Скуку ложку, потому что палочка лежала рядом с котлом, а ложка после такого зелья чувствовала себя почти волшебной.

— Пора домой — сказала Варя.

— В банке скучно, — жалобно протянула Скука.

Варя вдруг замерла.

Она посмотрела на маленькое серое облачко.

Скука уже не казалась огромной и опасной. Теперь она была похожа на старый пыльный клубок, который слишком долго держали в тёмном углу.

— А если не в тёмную кладовую? — сказала Варя.

Директор нахмурилась.

— Варвара, сейчас не время жалеть опасные явления.

— Но она стала такой большой, потому что её заперли и забыли. Может, Скука появляется, когда долго нет ничего живого и интересного.

Скука моргнула мутными глазами.

— В банке было очень... одинаково.

Варя кивнула.

— Мы посадим тебя в банку. Но не навсегда в тёмный угол. Будем иногда выпускать чуть-чуть.

Все уставились на неё.

Профессор Мракс сказал:

— Выпускать Скуку добровольно?

— Чуть-чуть, — сказала Варя. — Чтобы замечать, когда пора придумать что-то новое.

Пых почесал ухо.

— То есть Скука будет вроде будильника?

— Вроде.

Зоя задумалась.

— Если её немного, после неё интереснее что-нибудь делать.

Директор долго смотрела на Варю.

Потом сказала:

— Сначала — в банку.

— Да, — согласилась Варя. — Сначала в банку.

Скука вздохнула.

— А там будет хотя бы окошко?

Варя посмотрела на Пыха.

Пых посмотрел на Зою.

Зоя посмотрела на директора.

Директор закрыла глаза на одну секунду, как будто прощалась со старым учебным планом.

— Сделаем окошко — сказала она.

Скука удивилась.

И от этого стала ещё меньше.

— Правда?

— Правда, — сказала Варя.

— И меня не поставят рядом с Понедельником?

— Ни за что — сказал Пых. — Даже я считаю это жестоким.

Скука подумала.

Потом сама вытянулась тонкой серой ленточкой и залезла в банку.

Пых быстро закрыл крышку.

Зоя закрутила её покрепче.

А Варя пальцем нарисовала на стекле маленькое окошко. Стекло в этом месте стало прозрачным.

Внутри банки сидел крошечный серый комочек.

Он зевнул.

Но уже не так страшно.

Просто немного.

В большом зале стало светло.

За окнами окончательно вошло солнце.

Свечи погасли сами, потому что теперь были не нужны. Котлы радостно булькали. Ложки вернулись к завтраку. Говорящий пирог сел на блюдо и потребовал уважительного отношения.

Аграфена Грозовая подошла к Варя.

Варя приготовилась к наказанию.

Теперь, когда школа была спасена, все нарушения снова стали нарушениями.

Ночная кладовая.

Запрещённая банка.

Открытая Скука.

Квакающий ботинок Зои.

Говорящий пирог.

Список был длинный.

Директор посмотрела на Варю строго.

Очень строго.

Потом сказала:

— Варвара Морошкина.

— Да, — тихо ответила Варя.

— Вы нарушили не меньше семи школьных правил.

Пых кашлянул.

— Если считать лестницу, то восемь.

— Кот Пых — сказала директор, — не помогайте.

— Молчу.

Директор продолжила:

— Вы вошли ночью в запрещённую кладовую. Взяли опасный предмет. Выпустили школьную Скуку. Подвергли опасности учеников, учителей, завтрак и, возможно, репутацию школы.

Варя опустила голову.

— Я понимаю.

Аграфена Грозовая помолчала.

— И при этом вы первая за много лет ведьмочка, которая смогла сварить зелье против Скуки.

Варя подняла глаза.

Директор всё ещё была строгой.

Но уже не сердитой.

— Поэтому наказание будет — сказала она. — Но и похвала тоже.

Пых шепнул:

— Люблю смешанные блюда.

Директор повернулась к нему:

— Кот Пых получает отдельное наказание.

Пых замер.

— За что?

— За участие в ночном походе и за то, что испугал профессора Мракса маковыми зёрнами в шерсти.

Профессор Мракс буркнул:

— Я не испугался. Я насторожился.

— Ваше наказание, — продолжила директор, — помочь школьной кухне проверить качество утренних булочек.

Пых медленно сел.

— Простите... это наказание?

— Булочек очень много.

Пых приложил лапу к груди.

— Я приму его мужественно.

Зоя подняла руку.

— А мне наказание?

Директор посмотрела на её квакающий ботинок.

— Вам, Зоя Злючкина, придётся неделю ходить в этих ботинках, пока заклинание само не выветрится.

Ботинок сказал:

— Ква.

Зоя вздохнула.

— Справедливо.

Варя спросила тихо:

— А мне?

Директор посмотрела на большой котёл.

На золотое зелье.

На банку со Скукой.

— А вам, Варвара — сказала она, — придётся после уроков привести кладовую редких ингредиентов в порядок. Под присмотром. И составить подробный рецепт зелья против Скуки.

Варя моргнула.

— Рецепт?

— Конечно. Его нужно внести в школьную книгу зельеварения.

У Вари перехватило дыхание.

— В книгу?

— Да. Под названием...

Директор задумалась.

Пых поднял лапу.

— «Чай, который всех спас»?

— Нет, — сказала Зоя. — Слишком просто.

Пирог с блюда важно произнёс:

— «Великий отвар говорящего пирога и второстепенных помощников».

— Тоже нет — сказала Варя и улыбнулась.

Аграфена Грозовая взяла мел и подошла к доске.

На доске всё ещё было написано: «Урок отменяется. Всё равно никто не придёт».

Директор стёрла эту надпись.

И написала новую:

«Зелье от Скуки. Автор рецепта: ведьмочка Варвара Морошкина».

Варя смотрела на эти слова и не могла поверить.

Её имя.

На школьной доске.

Не рядом с замечанием.

Не рядом с ошибкой.

А рядом с рецептом.

Зоя тихо сказала:

— Ну что, Морошкина. Кажется, пятничный экзамен будет интересным.

Пых довольно облизнулся.

— Если экзамен будет с дегустацией, я уже готовлюсь.

А в банке маленькая Скука зевнула, посмотрела в своё новое окошко и пробормотала:

— Пожалуй... сегодня было почти не скучно.

Глава 6. Повторный экзамен

Новость о том, что Варя Морошкина ночью спасла школу при помощи ромашки, мёда, смеха и говорящего пирога, разлетелась быстрее, чем первокурсницы на первой тренировке по полётам.

К завтраку об этом знали все.

Даже те, кто спал особенно крепко.

Даже школьные вороны.

Даже шкаф с мантиями, который обычно считал себя выше сплетен и выдавал одежду только с презрительным скрипом.

— Это та самая? — шептались ученицы, когда Варя входила в зал.

— Которая выпустила Скуку?

— Которая сварила зелье?

— Которая сделала говорящий пирог?

— Пирог правда говорил?

— Говорил! Он попросил не резать его без предварительного согласования.

Варя шла к своему столу и чувствовала, как у неё горят уши.

Пых шёл рядом, очень гордо задрав хвост. После своего «наказания» он выглядел особенно довольным: школьная кухня действительно поручила ему проверять булочки.

Булочек было много.

Пых проверил каждую.

Некоторые — дважды, чтобы не ошибиться.

— Не обращай внимания — сказал он Варе. — Знаменитым ведьмочкам положено, чтобы на них смотрели.

— Я не знаменитая.

— Уже поздно. Шкаф с мантиями попросил у меня твой автограф.

Варя остановилась.

— Правда?

— Нет. Но звучит правдоподобно.

Она вздохнула, но улыбнулась.

На столе перед ней уже стояла кружка какао. Рядом лежала булочка с корицей, маленькая баночка малинового варенья и листок пергамента.

На листке было написано:

«Повторный экзамен по зельеварению состоится сегодня после обеда.

Тема: зелье по выбору ученицы.

Директор А. Грозовая».

Варя прочитала записку один раз.

Потом второй.

Потом третий.

Какао перестало казаться вкусным.

— Сегодня? — прошептала она.

Пых заглянул в записку.

— О. Прекрасно. У тебя есть целое утро, чтобы перестать волноваться.

— Пых!

— Ладно. Пол-утра.

Варя положила записку на стол.

Конечно, после всего, что произошло ночью, она думала, что экзамен отменят. Или перенесут. Или забудут. Или школа ещё неделю будет занята тем, что ловит остатки Скуки по углам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.